

УДК 364.044.68(73):(470.43)

ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ В РОССИИ В ОЦЕНКАХ ИНОСТРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ

© 2013 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 20.01.2013

Во время голода начала 1920-х годов в России работал ряд иностранных благотворительных организаций, оказывавших масштабную помощь голодающему населению страны. Во внутренней документации этих организаций, многочисленных отчетах, статистических данных, а также воспоминаниях и переписке сотрудников заграничных миссий помощи содержится немало ценных сведений как о самом голоде, так и о его причинах и последствиях.

Ключевые слова: голод начала 1920-х годов, Американская администрация помощи, Миссия Нансена, квакеры, иностранная гуманитарная помощь.

Голод начала 1920-х гг. занимает особое место в истории нашей страны: он охватил территорию примерно 30 губерний, республик и областей; даты 1921-1922 гг. отражают наиболее острую фазу голода, в то время как региональные исследования показывают, что голод начался не летом 1921 г. – летом он был лишь официально признан – а еще зимой 1920-1921 гг. и закончился не ранее урожая 1923 г., а в отдельных местностях длился до 1925 г. На охваченной голодом территории проживало более 42 млн человек, жертвами голода стали не менее 5 миллионов¹. Гуманитарную помощь голодающим России оказывали многочисленные иностранные организации – государственные и самого разного рода общественные, этнические и религиозные. Это Американская администрация помощи (АРА), Миссия Нансена («зонтичная» структура, в которую входило порядка 20 организаций, главным образом Красных Крестов стран Европы, а также ряд благотворительных фондов), «Общество друзей» (квакеры из Великобритании и США), Международный союз помощи детям и др. Они работали как на постоянной, так и на временной основе, с собственным аппаратом распределения помощи и без такового, на протяжении разных временных периодов и в разных регионах. Документальные материалы этих организаций – отчеты, статистические данные, переписка, воспоминания сотрудников и т.д. – являются ценным свидетельством, своеобразным «взглядом со стороны» на экономическую, политическую и социальную ситуацию в России начала 1920-х гг., и в первую очередь на сам голод. Вместе с тем оценка иностранными организациями причин и размеров голода приобрела политический оттенок и стала одним из факто-

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

ров, влиявших на успех их работы, в первую очередь по сбору средств в собственных странах.

Прежде чем приступить к оказанию помощи, иностранные благотворительные миссии проводили обследование потенциального района работы, что, кстати, в некоторых случаях было обусловлено отсутствием во «внешнем мире» достоверных сведений о положении дел в Советской России. Более того, иногда звучали мнения, что голода нет или он имеет куда менее значительные масштабы. Уже в ходе работы появлялись скандальные публикации, утверждавшие, что все иностранное продовольствие идет на содержание Красной Армии, а также партийным и советским работникам, в частности в этом обвиняли Миссию Нансена². Примечательно в этой связи, что во многих отчетах о подобных инспекционных поездках часто содержится описание детального осмотра сундуков, кладовок и прочего имущества крестьян на предмет наличия или отсутствия запасов продовольствия, при этом «жертвами обыска», как правило, становились председатели сельсоветов: с одной стороны, именно они обычно принимали иностранцев во время поездок, с другой, видимо, факт отсутствия даже у представителей власти каких-либо запасов подтверждал серьезность ситуации. Так, в январе 1922 г. в Самарскую губернию приехала представитель Лондонского общества квакеров Рут Фрай (квакерская миссия помощи работала в Бузулукском уезде Самарской губернии с осени 1921 г.). Вместе с представителями Миссии Нансена она нанесла «спонтанный визит» в село Палимовку, в нескольких верстах от Бузулука. Сначала они пошли в дом председателя сельсовета, «который живет с 7 братьями, всего в семье 18 человек, при этом 6 недавно скончались. Здесь нам рассказали о трагическом положении деревни и показали жалкие сурро-

гаты, заменяющие хлеб, – муку из коры, травы и пр. Затем мы пошли в один из беднейших домов, что-то вроде землянки, где находилось 8 человек, все обессиленные от голода. На огне стоял котелок, в котором кипятилось конское копыто – и больше ничего. Затем мы пошли в лучший дом села, который произвел довольно приятное впечатление, хозяева держали его в чистоте и порядке. Там мы заглянули во все уголки – и нашли только миску муки из травы. Из 15 лошадей у них осталась всего одна... Я стремилась как можно скорее вернуться (в Лондон. – Ю.А.) и постараться донести до всех полученные мною ужасные новости»³.

Сотни иностранцев-сотрудников благотворительных миссий побывали в голодающих регионах и оставили свидетельства о масштабах и причинах поразившей страну голодной катастрофы. Уже в первых числах сентября 1921 г. несколько американцев – сотрудников АРА, прибыли в Казань, ставшую впоследствии центром одного из таких районов АРА, с тем, чтобы изучить реальное положение дел. Увиденное их глубоко потрясло: «Никогда за все время работы в гуманитарной миссии в Центральной Европе не видел я детей, которые походили бы на эти истощенные маленькие скелеты, чьи худые лица и ноги, тонкие, как щепки, завернутые в лохмотья, подтверждали сообщения о том, что они умирали по дюжине в день», – писал один из американцев, У. Шафрот. Поездка в сельскую местность показала, что ситуация была просто катастрофическая, запасы продуктов подходили к концу, и казалось невероятным, что крестьяне смогут пережить зиму⁴. Сотрудники иностранных миссий собирали образцы использовавшихся в пищу голодающим населением суррогатов, отправляли их описания в головные офисы опять же как факт, объективно подтверждающий остроту голода. Среди суррогатов упоминаются мука из коры березы или вяза, ореховая скорлупа, листья, лебеда, желуди, трава, коренья, ревень, крапива, гороховая шелуха, солома, картофельные очистки, капуста, свекольная ботва, отруби разного рода, конский навоз, солома с крыш, падаль и глина.

Многие иностранцы-сотрудники благотворительных миссий по всей России отмечали, что одним из самых тяжелых и шокирующих впечатлений для них стало состояние детских домов. Так, сотрудник АРА Чайлдс приводит в своих воспоминаниях описание худшего из виденных им детдомов (село Верхние Индырчи Татреспублики): в амбаре содержалось около 100 детей, вдоль стен единственной комнаты располагались ряды широких полок, на которых дети спали. Не было ни одеял, ни кроватей, ни постель-

ного белья, плохонькой одежды вряд ли было достаточно, чтобы согреться, и дети плотно жались друг к другу⁵. Еще одно описание – Буинский детдом №2 (также Татреспублика): 81 ребенок, 20 детей болело тифом, из них 10 до сих пор больны. 21 кровать, 20 одеял, постельное и нижнее белье, теплая одежда и обувь отсутствуют, некоторые дети ходят абсолютно голые (декабрь 1921 г.)⁶. 80% детей до года в детдомах умирали⁷. Для квакерши Рут Фрай детдома и детприемники также стали самым страшным впечатлением, практически символом русского голода: «Вы входите через крошечную кухню. Внутри – две-три большие комнаты, буквально забытые детьми, кое-где – в два яруса, которым из-за нехватки места даже негде лечь. Многие стонут и причитают – думаю, у них нет сил плакать – или тихо, безвольно стоят, прислонившись к стене и пытаясь получить чуть больше тепла от печки»⁸. К слову, столкнувшись с дефицитом одежды для детей работавшие в Татреспублике американцы решали эту проблему в первые недели своей работы следующим образом: все пустые мешки от поступавших продгрузов отдали в детские дома, там промежуток между двумя мешками, надетыми один на другой, набивали соломой, делали маленькие отверстия внизу – получалось пальто. Тысячи мешков, набитых соломой, служили матрасами в больницах и детдомах. Тотальный дефицит абсолютно всего, от мыла и одежды до медикаментов, – постоянная тема для обсуждений в переписке иностранных организаций. Неудивительно, что организации, располагавшие значительными ресурсами, АРА в первую очередь, помимо поставок продовольствия оказывали помощь одеждой и медикаментами.

Информация о русском голоде, его катастрофических размерах – и объективные цифры, и личные, зачастую глубоко эмоциональные впечатления – отправлялась в головные офисы благотворительных организаций, предоставлялась правительственным инстанциям и зарубежным средствам массовой информации, при этом важнейшей целью было оказание воздействия на общественное мнение с целью постоянного притока средств, гарантировавшего непрерывность гуманитарной помощи и ее соответствие запланированным объемам. Одним из инструментов подобной агитации стали фотографии. Так, в конце 1921 г. Фритьоф Нансен совершил поездку по голодающему Поволжью, во время которой сделал снимки-диапозитивы, использовавшиеся в дальнейшем во время выступлений в Норвегии и других странах. Фотографии жертв голода, включая маленьких детей, сваленные в груды непогребенные тела вызывали у присутствовавших глубокое потрясение и даже приводили к обморокам⁹.

Работа по сбору информации о положении голодающих регионов для иностранных организаций иногда вела к печальным последствиям. Примечательно в этом отношении дело Курта Мусса, который оказался в тюрьме по обвинению в экономическом шпионаже.

Курт Александрович Мусс (1896-1937) родился в Петербурге, окончил лютеранскую школу Св. Анны, свободно говорил по-немецки и по-русски. В 1916-1918 гг. К. Мусс изучал теологию в Юрьевском университете, но затем из-за войны и революции был вынужден вернуться в Петроград¹⁰. В 1922 г. несколько лютеранских общин северокавказского региона обратились в Национальный лютеранский совет (американская организация, оказывавшая помощь голодающим России под эгидой АРА) за помощью. Для проведения обследования руководитель совета доктор Морхед отправил туда Мусса, который за 10 недель посетил большое количество немецких, а также латышских колоний в Донской области и на Северном Кавказе и составил подробный отчет о поездке.

Отчет Мусса – одно из уникальных подробных свидетельств о положении отдельной этнической группы в пораженном голодом регионе. Как отмечает Мусс в самом начале отчета, за годы I Мировой и гражданской войн немецкие ранее цветущие колонии пришли в состояние полнейшего разрушения. Дополнительным фактором, по его мнению, стало то, что во время мировой войны «немецкие колонисты считались в России за врагов страны и за ее предателей, которых бессердечно притесняли постольку, поскольку им еще оставалось земли после известного закона об отчуждении германской земельной собственности; во время междоусобной войны придерживались уже тогда неверного мнения, что немцы имеют еще все; поэтому у них брали всегда больше, чем в соседних русских деревнях, так что уже до голодного 21 года немецкие колонии являлись совершенно обедневшими», а неурожаем 1921 г. уничтожил то немногое, что еще оставалось. Свой вклад внесла и советская аграрная и продовольственная политика, которую автор отчета называет «беспощадной и бессердечной», при этом отмечая, что огромный продналог, по сути, был ничуть не лучше продразверстки и к тому же парализовывал всякую энергию, личную инициативу и «элементарную охоту работать»¹¹.

Далее Курт Мусс методично, округ за округом, колония за колонией, приводит описания экономического положения и перспектив на урожай. К примеру, таково описание Ейского округа (2000 человек, перечислены колонии Воронцовка, Александровск, Ольгенфельд, Руенталь и Егенфельд, а также латышские колонии Тау-

руп и Цвейгснит): «благодаря неурожаю и тяжести налогов обеднел окончательно. Засеяно очень мало; из 200-300 десятин перед войной – в настоящее время засеяно пять и то в большинстве случаев подсолнечниками. Пшеницы в среднем каждым хозяйством засеяна одна десятая; таким образом, даже при хорошем урожае можно едва ожидать, что собранного хватит на 1 год. Принимая во внимание налог, который одновременно со старым и невнесенным в прошлом году повышен на 20% и, разумеется, возьмет, таким образом, пожин даже наилучшего урожая». В районе Пятигорска-Владикавказа, по словам Мусса, хороший урожай ушел на уплату слишком высоких налогов. Особенно тяжело пришлось округе Хас-Ют (6000 чел.), где «колонисты были принуждены покинуть свои дома и дворы и где-нибудь искать себе пропитание. Их жилища в это время были заняты разбойническими, горными племенами, горцами и те из колонистов, которые хотели возвратиться, чтобы, как и другие беженцы, пожать свое зерно, прогоняются горцами и в этой области гласит опять-таки: засеяно слишком мало, а налоги слишком высоки»¹². В целом же голод, по оценке Мусса, в областях Дона и Северного Кавказа по большей части вызван нерациональным повышением налогов, однако никаких комментариев по поводу того, на что шли эти «нерационально» повышенные налоги, он не делает, хотя вывод вполне очевиден: государство, испытывая катастрофическую нехватку ресурсов, изымало последнее там, где хотя бы что-то имелось, чтобы направить в регионы, официально признанные голодающими; отдав последнее, регионы-доноры сами по сути становились голодающими.

Особенно печальное впечатление оставляют страницы отчета, посвященные судьбам пасторов проинспектированного района. Так, «пастор В. Юргенс (Ейск) в Воронцовке очень бьется со своей семьей. Он терпит большую нужду, потому что несколько его колоний могут его поддерживать с большим трудом, что можно уже видеть из того, что его общины выбрали его только на то время, пока у них будет хлеб. К этому общему состоянию нужды присоединяется еще то, что он неоднократно был обворован и терпит нужду в одежде. Так, напр., у него только одна пара сапог, которую он попеременно носит со своей женой, дети его ходят босиком». Описания быта других пасторов аналогичны: нищета, болезни, украденная одежда (включая одеяния для богослужений) и т.д.

Примечательно, что в сопроводительном письме к отчету, перечисляя возможные меры помощи, Мусс пишет следующее: «И если бы Национальный лютеранский совет вообще на-

шел возможным жертвовать только посевное зерно, то это было бы еще лучше и с моральной точки зрения, потому что ничем человек так не вознаграждается, как подарками. Если бы при этих пожертвованиях колонист должен был бы работать, дабы быть сытым, то это пошло бы ему только на пользу»¹³.

Отчет Мусса оказался у ГПУ, а вскоре туда попал и сам автор. За Мусса неоднократно хлопотали представители ЦК Помгол, указывая, что в отчете не содержалось никакой секретной информации, однако дело растянулось на годы. Мусс был отправлен в Соловецкий лагерь, в июле 1924 г. досрочно освобожден и выслан в Ярославскую губернию, а в Ленинград смог вернуться только в 1926 г.

Одной из частых тем анализа в материалах иностранных организаций помощи являются причины голода, и оценки эти варьировались. Например, один из сотрудников АРА Ф. Голдер, ученый-историк, после первой же поездки по Поволжью (сентябрь 1921 г.) следующим образом определил и причины, и настоящий срок наступления голода: «Во-первых, это советская экономическая политика и социальная система – идея, что крестьянин должен сдавать все свои излишки городскому пролетариату, а последний в свою очередь даст крестьянину все, что ему нужно. В результате крестьян обчистили до нитки. Зная, что все излишки заберут, крестьянин мало сеял, и поэтому мало что мог предложить городу, но голодный пролетариат отнимал и эту малость. Голод начался в этом году ранней весной, поскольку никаких запасов не было. Обычно у крестьянина есть запасы, но в этом году не было ничего. И тут наступило довершившее все жаркое лето»¹⁴.

Подобные оценки причин голода давали многие сотрудники разных иностранных организаций помощи. Глава исторического отдела АРА Г. Фишер отмечал среди причин голода общую отсталость сельского хозяйства дореволюционной России, влияние Первой мировой войны, революции и гражданской войны, развал промышленности и транспорта, засуху 1920 и 1921 гг. и, главным образом, «железную метлу» продразверстки¹⁵. Вместе с тем озвучивать подобную позицию было не совсем разумным, поскольку она поднимала волну рассуждений в зарубежных СМИ примерно следующего толка: помогая бороться с голодом, не поможем ли мы укрепиться власти большевиков? Не будет ли более правильным и логичным с точки зрения помощи в борьбе с голодом дать советской власти пасть, поскольку голод – дело ее рук? Если не оказывать помощь советскому правительству, оно падет, что и будет лучшей помощью голодающему по вине этого правительства народу.

Сколь ни справедливыми казались эти аргументы сами по себе, объективно они вели к сокращению помощи и увеличению числа жертв голода, что не могло устроить ни одну организацию помощи, даже при в целом негативном отношении ее сотрудников к советской власти и коммунистическому режиму.

Так, 13 февраля 1922 г. в Верховный комиссариат Лиги Наций по делам беженцев на имя Нансена поступил документ от Русского финансового, промышленного и торгового товарищества, озаглавленный «Голод в России». В нем группа эмигрантов во главе с доктором Лодыженским (возглавлял эмигрантский Российский Красный Крест – Ю.А.) подробно анализирует масштаб голода, а его основной причиной называется коммунистический эксперимент, полностью разоривший экономику страны, – продовольственные реквизиции, вызвавшие резкое сокращение посевных площадей, убыль скота, развал промышленности – роль же засухи в возникновении голода незначительна. Примечательно окончание документа, в котором авторы фактически призывают Нансена прекратить гуманитарную помощь России: «Помощь голодающим не должна превращаться в помощь большевикам. Для этой цели необходимо принять меры предосторожности. Укрепляя большевиков, Европа увеличит страдания голодающих, так как первоначальная причина голода, как это было изложено выше, состоит в коммунистическом режиме»¹⁶. В ответном письме представитель Нансена в довольно любезном тоне выражает несогласие с подобной интерпретацией причин голода, приводит различные аргументы, но в заключительных пассажах весьма недвусмысленно высказывает позицию Нансеновской организации и личную позицию самого Ф. Нансена: «Каковы бы ни были причины голода, одно только важно в настоящее время: доставить умирающему населению необходимые припасы и снабдить их также семенами и материалами, без которых они не смогут произвести весенний посев. Верховный комиссариат действия Международной помощи в России надеется, что русские граждане за границей не станут (как, увы, они слишком часто делали это до сих пор) мешать его гуманитарной деятельности, но приложат все свои усилия перед всем светом, чтобы привлечь помощь 20 миллионам жителей, умирающих на ледяных берегах Волги»¹⁷.

Вопрос о причинах голода – не единственная тема, в которой сотрудникам и руководству иностранных миссий помощи приходилось проявлять гибкость. В частности, «на публике» утверждалось, что иностранные грузы не расхищаются по пути следования к местам назначения, что не совсем

соответствовало истине, подчеркивалась неизменная готовность советских властей к сотрудничеству, несмотря на многочисленные трения и конфликты как в центре, так и на местах, и т.д. Эта позиция, на наш взгляд, является свидетельством того, что главной задачей иностранных миссий помощи были эффективная работа и спасение жизней, перед которыми любые политические разногласия отступали на второй план.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что документы иностранных благотворительных миссий обладают значительным научным потенциалом и могут быть использованы в первую очередь в региональных исследованиях, а спектр затрагиваемых в документах тем позволяет привлекать их не только для изучения и самого голода начала 1920-х гг., и других аспектов ранней советской истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом: Поляков В.А. Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград, 2007. Гл.2; Государственный архив РФ (далее – ГАРФ). Ф. Р-1058. Оп.1. Д.238. Л.48об.; Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных

для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С.246.

² Хезге П.Э. Фритъоф Нансен. Одна лишь воля. М., 2006. С.205.

³ Fry R. Three Visits to Russia. London, 1960. P.11-12.

⁴ Shafroth W. The Fact Story of the Russian Famine. Article II // Hoover Institution Archives (далее – HIA). American Relief Administration, Russian Unit (далее – ARA Russia). Box 81. Folder 8 (далее – 81:8).

⁵ Childs J. Rives. Red Days in Russia // HIA. ARA Russia. 7:12. P.122.

⁶ Report on the Food and Sanitary Condition in the Tartar Republic // HIA. ARA Russia. 157:3.

⁷ Sanitary Report. 15.01.1922 // HIA. ARA Russia. 160:1.

⁸ Fry R. Three Visits to Russia. P.9-10.

⁹ Хезге П.Э. Фритъоф Нансен. Одна лишь воля. С.197.

¹⁰ ГАРФ. Ф.1064. Оп.7. Д.39. Л.59, 60, 62; Шкаровский М. Пастор Курт Мусс и община русских лютеран в Петрограде (Ленинграде) // <http://www.spbda.ru/news/a-987.html> (дата обращения – 01.12.2012).

¹¹ ГАРФ. Ф.1064. Оп.7. Д.39. С.64-66.

¹² Там же. Л.70-71.

¹³ Там же. Л.73, 75-75об.

¹⁴ War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914-1927. Comp. and ed. T. Emmons and B.M. Patenaude. Stanford, 1992. P.98.

¹⁵ Fisher H.H. The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. The Operations of the American Relief Administration. N.Y., 1927. P. 468-505.

¹⁶ ГАРФ. Ф.1064. Оп.7. Д.9. Л.141-142.

¹⁷ Там же.138-138об.

THE RUSSIAN FAMINE OF 1921-1923 IN THE DOCUMENTS OF FOREIGN RELIEF MISSIONS

© 2013 Yu.Yu. Anshakova

Volga Affiliate of Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

The paper deals with the famine of 1921-1923, its size and origins as reflected in various documents of international relief organizations which provided help to the starving population of Russia.

Key words: famine of 1921-1923, American Relief Administration, Nansen Mission Quakers, international relief aid.